

О чем рассказала мозаика

«Познание минувших времён и познание стран мира –
украшение и пища человеческих умов»
Леонардо да Винчи

Текст: Вячеслав Адров, Член Совета директоров КБ «Нэклис-банк», к.т.н.,

действительный член Русского географического общества, шестикратный рекордсмен «Книги Рекордов России», альпинист, путешественник. В банковской сфере работает 20 лет, начинал как банковский аналитик.

Надпись на мозаике в христианской церкви Монастыря Хора в современном Стамбуле, в том смысле, в котором её трактуют современные комментаторы, показалась мне неуместной. Расследование привело меня к соприкосновению с серьёзными материями, точнее – субстанциями, сущностями. Поэтому её изложение я привёл в виде фантастического рассказа, где действуют третьи лица. Фантастичность в том, что все рассуждения приводятся вне хронологического течения времени. При Вашем снисходительном отношении к читаемому, оно может побудить Вас ещё раз самостоятельно попытаться укрепить своё представление об истории становления христианства как идеи. Дополнительно смутить Вас призвана и приложенная дискуссия представителей выдуманных мной наук: филогеософии, сумванологии и социальной географии... И ещё: я сопроводил изложение небольшим фотоальбомом практически исчезнувшего Константинополя.

Осенью 2014 года я в очередной раз отправился в свой любимый Константинополь. На этот раз под воздействием еще не улегшейся волны впечатлений и вдохновения после моего «прочтения» надписей на египетском обелиске(1)! Узнав о том, что на территории атриума храма Святой Ирины, официально самого старого христианского храма, находится саркофаг христианской царицы, на котором изображён «древнеегипетский» крест (фотографии в источнике не было), решил, что мне нужно это сфотографировать.

Храм Святой Ирины находится на территории теперешнего султанского Дворца Топкапы(2). Попасть в «Святую Ирину» трудно. Многие десятилетия храм находится в состоянии реставрации и только изредка используется как концертный зал. Я уже изучил возможность «левого» попадания внутрь, но, к моему счастью, смог попасть в него официально – по билету. Попал в редкий промежуток времени, когда в него пускали.

Внутренний вид его печален – победившие магометане, переделывая храмы в мечети нанесли «Святой Ирине», по-моему, максимально возможный ущерб. Мозаики и фрески здесь были не заштукатурены и закрашены, как во многих церквях, а сбиты. Практически ничего не осталось – только один большой иконостасный крест в главной конхе, да надпись по полукуполу наоса.

Все равно, кое-что необычное было – заалтарное пространство, которое мы в церквях никогда не видим, и в которое могут заходить только священники, здесь представляет собой полукруглый амфитеатр. Это отражает древние традиции обрядов: во время службы священники (а, может быть, точнее, жрецы?) сидели как на стадионе. (Надо бы, конечно сравнить остатки Колизея, прародителя недостроенного Итальянского. Он, имея такую же, как в «Святой Ирине», полукруглую трибуну (судя по рисункам средневековых наблюдателей), видимо, был предназначен для размещения прихожан во время обрядов.)

Я читал ранее о музее Карийе Джамии(3), бывшей соборной церкви монастыря со странным названием – «Монастырь Хора». Он практически никак не «раскручен» в современных путеводителях, да и транспортно плохо доступен. Подойдя к нему, всему окружённому заборами – как всегда, на реставрации – обречённо сфотографировал доступный внешний вид, подняв фотоаппарат над забором.

Дождь загнал меня в локантасы(4), и вдруг я заметил, что есть разрыв в заборе, какой-то вход – музей открыт для посещения! Когда я вошёл вовнутрь, то сразу понял – вот что главное в этом моём вояже! Внутреннее оформление потрясло моё воображение! А главное – необычное слово «Хора» – после осмысления зазвучало для меня по-новому! И не так, как его интерпретирует официальная историческая наука! Не простое слово – географическая привязка, а слово, имеющее духовно-стратегическое значение!

(1) Имеется в виду сообщение о моей версии, изложенной в книге «Тайные знаки», содержания надписей на египетском обелиске на площади Ипподрома в Стамбуле

(2) Дворцовый комплекс, построенный султаном после падения Константинополя на территории бывшего Акрополя. Ныне – самый посещаемый музей Турции.

(3) <http://www.geocaching.su/?pn=101&cid=11861>

(4) Типичная закусокная с традиционными турецкими кушаньями.

Хора, Рим и Христос

Расскажу о случае, который определил мой жизненный выбор, в частности, выбор профессии. Неожиданное наблюдение и обдумывание его значения заставило меня задуматься о правильности интерпретации нашей истории, ну и, собственно, самому погрузиться в историю и заняться историческими исследованиями...

Часть 1. Ихора и Егор Игоревич

А было это давно, когда меня еще звали просто Егор. Да, я не представился – Скородумов Егор Игоревич. Зимними вечерами того далекого года я бегал на Чистые пруды на каток, но не просто кататься на коньках – на встрече с девушкой моей тогдашней мечты – Катей Милославской. Помню, что мне всегда не хватало времени для полного насыщения удовольствием от наших встреч. Сгорая от нетерпения, предвосхищая нашу очередную встречу и мечтаю, что, наконец, сегодня она повернет свои губки в сторону моего нетерпеливого целуя, каждый вечер при прощании попадавшего только в ее румяную щеку, мне всегда казалось, что не хватает всего совсем чуть-чуть времени для полного моего счастья. Мне казалось, что я не успевал выразить свою любовь и восхищение этой девушке ни во время одно-, двухчасового катания и даже по пути к ее дому – в Трехсвятительский переулок. Как хотелось, чтобы она жила подальше!

Но сейчас – не об этом. Как-то раз, умничая и пытаясь, как всегда, произвести впечатление, я рассказал ей о своем посещении собора монастыря Хоры в Константинополе. Мозаичные украшения собора поражают богатством красок, выверенностью изображений и какой-то просто удивительной художественной точностью передачи мимики и выражений лиц святых персонажей. Невозможно поверить, что все это – эти картины, узоры – собрано из мириад цветных камешков. Конечно, с масштабами мозаик «Святой Софии» сравнивать трудно, но там они – где-то далеко, почти в небе, а здесь, в соборе

Вячеслав Адров

Хоры, вот они, рядом – рассматривай и наслаждайся настоящим выдающимся искусством: и наблюдательностью художника-физиономиста, и точностью психолога-постановщика сцен и выбора сюжетов, и, конечно, недоступной моему пониманию кропотливостью сборки мозаик!

Это – не все. Подумаешь, мозаики, их много не только в Константинополе (там целый музей мозаик, хорошо, что сохранных османами, хоть и сбитых со стен церквей, переделанных в мечети), но и в других местах – в той же Венеции. За что я практически «полюбил» этот собор – за надписи «ИХОРА»! Эти надписи присутствуют на самых «парадных» изображениях Иисуса Христа (на двух его изображениях) и изображении нашей Пресвятой Богородицы. Правда, сопровождаются какими-то непонятными надписями: «Тонсонтон» у Христа и «Тоухоритот» у Богородицы. Но тогда я на них не очень обратил внимание, не до этого, мой мозг «закипел»: на самой главной иконе написано практически мое имя – Егор! Да еще и отчество – ИГОРЕВИЧ!

– Мы с Иисусом Христом – тезки! – разгоряченно выпалил я Кате, при этом, все-таки, до и после этой фразы замашисто перекрестился, чтобы она меня не приняла за пустого богохульника.

По дороге с катка до Катиного дома на ее не очень заинтересованное, что-то типа «с чего это я взял, что это имя, и что вообще говорят другие люди, а не только я, ведь, наверное, эта церковь построена давно, с уже несколько потухшим энтузиазмом (вот ведь на что драгоценное время тратится!)» рассказал, что знал к тому моменту об этом.

Тогда в Константинополе, пытаясь что-то узнать о самом моем любимом соборе, последовал по совету древнерусского паломника в Царьград. Тот писал, что «Царьград подобен огромному лесу, и, чтобы в нем не заблудиться, надобен добрый вожак!». «Не заблудиться» в том смысле, что, будучи долгие столетия столицей Мира и, соответственно, самым богатейшим городом, Новый Рим «оброс» огромным количеством дворцов, соборов, церквей, монастырей, многочисленных общественных и деловых учреждений, просто богатых и добротных домов; оброс настолько, что поражал воображение граждан мира. А для меня нужен был, скорее, вожак интеллектуальный, чтобы понять, что это за «Ихора-Хора» такая?!

Куда как не в духовную миссию обратиться? Там и примут душевно, и безо всяких ёрничаний по поводу моей неосведомленности, думаю, все объяснят. Иду к церкви Святого Георгия, ничего

особо не видно – территория окружена высоким непрозрачным забором. Долго стучусь – никто не откликается. Может быть, не ко времени мой визит, или таких посетителей здесь не ждут, наверное, надо было с письменным прошением обращаться. А что бы я там написал, зачем мне нужна аудиенция? – Удовлетворить простое любопытство, да и вопрос мой какой-то скользковатый – про «тезоименитство»... Разворачиваюсь со вздохом, но тут загрелел, наверное, засов на воротах, и какой-то человек, весь в черном и в черном клобуке, приятным голосом любезно пригласил пройти вовнутрь.

Оказалось, меня сразу увидели и некоторое время за мной наблюдали. А такой забор вынужденно поставили для защиты от чрезмерно разгоряченных магометан. (И такие бывают и даже пытаются нанести ущерб «нашему» христианскому православному Константинопольскому Патриархату!)

Узнав, зачем я прибыл, этот человек, оказавшийся достаточно молодым, на мое удивление, не то что лояльно, а даже очень участливо отнесся к моему любопытству и моей легка богохульской версии-гордыне! Проведя меня, то ли в какую-то приемную, то ли в трапезную и угостив чаем (турецким!), он поведал историю монастыря Хора.

Так вот, по его версии, а значит, и по официальной версии Церкви, само слово «хора» означает на греческом «поле, пустырь, земля вне стен города».

– Позвольте, отец... – поднимаю глаза и делаю паузу – не намного этот «отец» меня и старше.

– Григорий, – подсказывает он.

– Григорий, – продолжаю, – вне каких таких стен города?! Он же – внутри стен Феодосия, можно сказать, между городскими стенами Константина и Феодосия! А я знаю, что собор построен в начале XIV века! При том, что внешние стены Феодосия построены в первой четверти V века (а Константиновы стены уже стояли при Константине, а значит, в 300-х годах!)

– Да, конечно, сейчас это – почти центр города. Но считается, что мона-

стырь в нынешнем виде построен еще раньше, когда на этом месте действительно были окрестные поля.

Ухо выхватило слово «считается». «Интересно, – подумал я, – когда же это его построили? Получается, что раньше собора Святой Софии и даже Святой Ирины? Так, чтобы он оказался на некотором удалении от города, вдали от стен Константина, чтобы место считалось загородным полем. Но все равно особенного смысла ставить монастырь в такой близости (метров 800, по моей прикидке) от защищенного города, от стоящих стен Константина, не вижу. Тем более что и его же тоже надо обносить защитными крепостными стенами! Слушаю дальше, может, все разъяснится.

– Монастырь с тех пор пришел в упадок, а место под всем метохием так и сохранило название «хора», хотя уже сотни лет находилось внутри стен города. А уж в XIV веке было решено его восстановить на прежнем месте, в том числе с кормящими братию садами и огородами.

– Логофетом Феодором Метохитом? Я видел это слово (или имя) там, в соборе.

– Да, именно он контролировал строительство и украшение монастыря и собора, а потом долгое время был его настоятелем.

С удовольствием попивая ароматный чай, я выслушал практически лекцию об оригинальном решении мозаик собора, даже не столько мозаик, а тематических сюжетов. Так, стены и потолки экзонартекса «отданы» под библейские сюжеты жития и служения Христа, а нартекс – подробным картинам жизни Богородицы, описанной в Евангелие и Протоевангелиях. И, кстати, истории Богородицы отдается не меньше места и внимания, а, может быть, и больше, чем Христу! Продуманно расположены «парадные» изображения Христа и Богородицы – получается так, что всякого входящего в собор встречает Иисус Христос, а провожает лик Богородицы. Еле сдерживаюсь от нетерпения высказать свои сомнения по надписи «ИХОРА»:

– Отец Григорий, я рассматривал мозаики и в соборе Хора, и в Святой Софии. Не могу не удивляться почти, а, по-моему, просто идентичной технике и стилистике изображений людей, сюжетов, надписей. Как так, ведь разница мозаик – тысяча лет?!

– Это как раз и демонстрирует консервативность и прочность традиций, в том числе и изобразительных! А это есть подтверждение истинности, незыблемости и неизменности веры!

«Однако, – подумалось мне, – традиции! За тысячу лет и ничего не изменилось! А в архитектуре и инженерии и вовсе помельчало (это я о масштабах соборов). А если бы и в артиллерии и кораблестроении мы также соблюдали традиции?! Тысячелетиями без изменений и прогресса!». Но спросил о другом, считая эти мои мысли бурлящей малоконтролируемой юношеской горячностью:

– Вот есть и такое у меня наблюдение. Даже если не Ихора, а Хора – название местности, почему это слово оказалось рядом с самыми главными словами (пытаюсь «льстить») нашего мира? Даже самые известные иконы и изображения – Иконы Казанской, Владимирской Божьей матери не содержат никаких географических упоминаний? Да и других «титлов»: Спас Вседержитель, Пантократор, Ярое Око? Это и так все знают, зачем «портить» икону уточнениями, даже не названием города или места святых событий, а просто словом – «пустырь»?

– Да, это необычно, но и место необычное! По данным разных источников, первый монастырь здесь был построен в VI или начале VII века. («О, точная нестыковка «поле-город» – даже вторые, внешние, стены стояли сотни лет!») До момента нынешнего вида, постройки его Императорами династии Палеологов, он оказывался в руинах как минимум 4 раза. Видимо, название сохранилось из «уважения» к намоленному месту. Кроме того, вы, Егор, заметили, что на мозаиках слово «хора» сопровождается надписями. Это как бы игра слов, иносказание,

Следы Рима – Константинополя в Стамбуле (начало XX века и наши дни)

Акведук Валента

Дворец императора Рима – БУКОЛЕОН

другой, более глубокий смысл слова «земля, поле». Смотрите – у Христа не просто «поле», а «Прибежище всех живых!» А у Богородицы, с символом нерожденного Иисуса-младенца, – смысл пояснений такой: «Вместилище невестимого!»

– Подождите... – я начал в голове произносить, сопоставляя правые части надписей с услышанным переводом, – все-таки это как-то вольно и, по-моему, слишком иносказательно: живых, невестимого...

– Я вам поясню...

О-о-о, я знаю, какими высотами «софистики» владеют священнослужители, какие они могут выдать «построения» содержания заложенного глубокого духовного смысла даже

в простые понятия. Лучше бы пока я сам это обдумал... Здесь, как бы следуя моим мыслям, отец Григорий засобирился, извинился и пригласил обязательно прийти и продолжить нашу беседу.

А я решил походить еще по другим церквям Царьграда, а дома – обязательно сходить в библиотеку и с греческим словарем найти «свой» перевод слова «ихора», да и сопровождающих надписей.

Итак, все-таки, почему мне показались странными надписи на главных христианских изображениях, и почему не устроили их современные переводы-трактовки?

Первое: Монастырь Хора находится поблизости от главного дворца Рим-

ских императоров династии Палеологов. Они здесь молились. Здесь, кстати, жили послы и посетители, ожидавшие аудиенции императора. Таким образом, это церковное учреждение не простое – парадное и даже пропагандистское – ничего случайного здесь быть не может.

Второе: название монастыря – якобы, по названию местности – Хора, то есть – «поле вне города, пустырь». К моменту постройки церкви это место уже 900 лет находилось внутри городских стен. Императорский дворец тоже – на пустыре?

Третье: никогда ни на каких иконах, изображениях Христа и Богородицы нет надписей, уточнявших бы их географическое положение.

Четвертое: слишком вольные трактовки значения слова ИХОРА на разных изображениях.

Тогда, в общем, позанимавшись греческим и помучившись, я для себя так решил: чтобы уточнить смутные догадки обо «истинном» значении слова ИХОРА, надо как-то получше перевести «уточняющие» надписи: «τωλςουτων» – родительный падеж множественного числа слова СЫН; «τοιςουχρητου» – родительный падеж мужского или среднего рода слова, противоположного по смыслу Хоре, причем с дополнительным отрицанием, как бы «из», «вне», «без».

Можно, конечно, перевести так, как принято церковью, но это только если принять, что Хора – это поле! А я же был о Хоре (Егоре-Игоре) более «высокого» мнения!

Слово Хора очень созвучно азбучному «Херь» (Бог, из 6-й азбучной истины), словам «хороший» – угодный богу, «хоры» – место, где певчие славят Хора – Хера (Бога), да и, видимо, само хоровое пение – это просто когда все вместе славят Бога!

Тогда я перевожу слово «И Хора» как «божественность», «божественная идея», может быть, просто «вера»?!

И у меня в голове тогда эти надписи становятся естественными:

«Божественность (вера) – для всех людей (детей божьих)» – Христос,
«Божественность (в виде Бога-Сына) – возникла из небожественности (Бог-Сын рожден земной(!) женщиной)!»

Тогда я на этом и успокоился, «выяснил» все для себя, и как-то все это спокойно оставило мою голову, а здесь Кате я «выдал» свою необычную, революционную версию!

На мое удивление, она не ухмыльнулась, не «округлила» глаза в оценке моего психического состояния, а спокойно, задумчиво сказала:

– Вообще-то, Егор, мой папа – профессор университета кафедры филологии... – и через паузу добавила: – И, может быть, уже пора пригласить тебя к нам на чай?

Мы уже стояли у подъезда ее дома. Катя повернулась ко мне – она широко

ко улыбалась! А я? – Я чуть не умер от неожиданности, такой долгожданной неожиданности! Или чуть не лопнул от наполнивших меня радости и счастья!

– Ну что, я спрошу у родителей?

– Д..да, конечно, – еле выдавил я.

– Ну, хорошо, – и она впервые сама, первая, чмокнула меня, остолбеневшего, в щеку и, упорхнув, скрылась за дверями парадного.

ЧАСТЬ 2. Кто ты или что ты – «Хора»?

«Церемония чаепития» проходила, к моему удовольствию, плавненько и как-то кругло. Точнее, не чайная и не церемония вовсе.

«Очень приятная, интеллигентная семья», – шептал мне мозг, расслабленный кушаньем и, скорее всего, «медицинской порцией» калиновой настойки. От полезной, по словам Сергея Аркадьевича, для снижения давления настойки я решил не отказываться. Но она, по ощущениям, давление мне несколько подняла: по-моему, мои щеки излучали повышенное количество тепла. Несуэтливые, даже какие-то милые хлопоты хозяйки – Анны Леонидовны

– в распределениях порций (не могу не причмокнуть) гуся с яблоками, черничного пирога, выносимых откуда-то из-за портьер домработницей, и, главное, абсолютная неназойливость профессора в расспросах о моей «сущности» и «перспективности» сняли мое естественное начальное волнение. В намечающейся паузе, неизбежной по окончании бесед знакомящихся людей, я должен был захватить некую инициативу, начав какой-нибудь тематический интересный разговор. Прихлебываю, прихлебываю чай, но что-нибудь легкое, интересное никак не приходит на ум.

– Егор, мне Катя как-то говорила, что вы проявили особый, по ее словам, оригинальный интерес к одной из мозаик Константинополя? – вдруг начал Сергей Аркадьевич. Я медленно ставлю чашку на блюде, немного не попадая в центр, и поворачиваюсь в сторону сидящей рядом Кати – она чуть наклонила голову и хитро улыбнулась. Вот это поворотец.. К этому я не готовился.

Чувствую, что уже не только щеки – уши до самых кончиков тоже становятся излучателями тепловой энергии. – Да, не просто интерес, а попытались применить лучшие традиции герменевтики! – Ну, какая герменевтика... Просто я обратил внимание на показавшиеся мне необычными надписи на изображениях, на которых вроде ничего лишнего не бывает, и так ясно: кто и что... – опять смотрю боковым зрением на Катю – она улыбается еще шире.

– Вы не смущайтесь, мне очень даже импонирует ваша наблюдательность и любознательность. Вы меня заинтересовали, я даже начал искать соответствующую литературу. Вы спросите: «Какую?» – Пойдемте ко мне в кабинет, пофилософуем вместе.

– Сережа, мы же еще не допили чай, а ты уже тянешь гостя на свои философствования!

– Ничего, мы можем взять чай с собой. И вы с Катей присоединяйтесь, я думаю, и вам будет интересно!

– Почему я сказал герменевтика? – продолжил профессор уже в кабинете, в котором все приглашенные с комфортом расположились. Герменевтика – это нарождающаяся наука, новое философское направление, это умение и, скорее, искусство трактования, интерпретации текстов, мыслей. В частности, древние тексты, манускрипты, изображения в течение истории человечества много раз переводились с языка на язык, в разное время, разными людьми, в разные эпохи, с разными политическими и идеологическими условиями, с разными целями, в том числе пропагандистскими. В результате принятые авторитетной философской школой догмы становятся общепринятыми в науке, но они могут совершенно не соответствовать тому, что имел в виду автор, и что понятно было его современникам и землякам! Так, например, доктор Хайдеггер критиковал сложившуюся схоластическую традицию интерпретации и переводов терминов и мыслей древних авторов, в частности Аристотеля...

– Сергей, мы же не на лекции, – прервала раскручивающуюся спираль мыс-

Храм Святой Софии

Следы Рима – Константинополя в Стамбуле (начало XX века и наши дни)

ли мужа Анна Леонидовна, – давай послушаем Егора, что он там интересного и необычного увидел.

– Я же к этому и подводил... Давайте, Егор.

Я в общих чертах изложил то, что вам уже от меня известно, особо не нажимая на «Егора-Игоря».

– Ты теперь скажи, почему именно обратил внимание на эти надписи? – прищурилась Катя.

– Хм-м, это ж очевидно – Егор, кажется, Игоревич? – реплика профессора, – Егор – Ихор...

Я только улыбнулся, опустив глаза. – Так вот, слово (или понятие) «хора»

появляется в труде Платона «Тимей». Там Платон устами Тимея в диалогах с Сократом и Критием объясняет свое видение сущности и устройства мироздания, космоса. – Сергей Аркадьевич выдерживает небольшую паузу (видимо, обычно студенты за это время успевают оценить значение последующего) и, поворачиваясь в сторону Анны Леонидовны, продолжает чуть тверже:

– И мы, следуя Хайдеггеру, не должны схоластически традиционно переводить слово «хора», я бы даже сказал – беречь это слово от какого-либо перевода!

– А как же мы поймем, что это – «хора»? – не удержалась Катя.

– Здесь мне придется пояснить вам, что имел в виду Платон (и его Тимей), описывая хору как необходимую составляющую, третью сущность мира... Если интересно, конечно. – Сергей Аркадьевич оглядел нас, притихших, и улыбнулся.

– Я с удовольствием! – чуть не вскрикнул я.

– Я только попрошу принести еще чаю, и я – с вами. (Это – Катя.)

Анна Леонидовна, сидящая почти в углу большого кабинета, только чуть качнула свое кресло-качалку.

Сергей Аркадьевич встал из-за стола, достал из книжного шкафа книгу с заголованными закладками.

– «Тимей», вообще-то, известен не философской публике не столько рассуждениями о хоре, сколько повествованием об Атлантиде, рассказом Тимея-Платона о действиях Демурга по созданию земли, планет, звезд, существ, человека и его органов с их функциями и задачами. Наконец, души живого. Материя, бытие, идея...

– Вы, Егор, наверное, знаете, что я – не философ-профессионал. Просто я

поделюсь некоторыми своими мыслями по поводу вашей идеи.

Так вот, Тимей, рассказывая о создании космоса, постоянно акцентирует внимание собеседников на противоречиях между образом и воплощением, между имеющим форму и бесформенным, между чувственным и умопостижимым, между умом и убеждением, между мифом и логосом... Как же сглаживаются эти противоречия, ведь Вселенная существует и даже развивается? Вот здесь он и вводит третью сущность, называя ее «хора».

– Вот что говорит, – открыл на закладке книгу Милославский, – «Начало же наших новых речей о Вселенной подвергнется на сей раз более полному, чем прежде различению, ибо тогда мы обособляли два вида, а теперь придется выделить еще и третий. Прежде достаточно было говорить о двух вещах: во-первых, об основополагающем первообразе, который обладает мыслимым и тождественным бытием, а во-вторых, о подражании этому первообразу, которое имеет рождение и зрим, в то время, мы не выделяли третьего вида, найдя, что достанет двух. Однако теперь мне сдается, что сам ход наших

рассуждений принуждает нас попытаться пролить свет на тот вид, который темен и труден для понимания. Какую же силу и какую природу припишем мы ему? – Прежде всего, вот какую: это – восприимчива и как бы кормилица всякого рождения».

В другом месте, рассуждая об уме и убеждении, он определяет «хору» как некое «пространство». Сначала он говорит об их диалектике: «Если ум и истинное мнение – два разных рода, в таком случае идеи, недоступные нашим ощущениям и постигаемые одним лишь умом, безусловно, существуют сами по себе; если же, как представляется некоторым, истинное мнение ничем не отличается от ума, тогда следует приписать наибольшую достоверность тому, что воспринимается телесными ощущениями. Но, следует признать, что это – два различных [рода]: они и рождены порознь, и осуществляют себя неодинаково. Так, ум рождается в нас от наставления, а истинное мнение – от убеждения; первый всегда способен отдать себе во всем правильный отчет, второе – безотчетно; первый не может быть сдвинут с места убеждением, второе подвластно переубеждению. Наконец, истинное мнение, как приходится признавать, дано любому человеку, ум же есть достояние богов и лишь малой горстки людей».

Если все это так, – профессор поднял голову, оценивая, не потеряли ли мы мысль Тимея, и продолжил цитирование: – «приходится признать, во-первых, что есть тождественная идея, не рожденная и не гибнущая, ничего не воспринимающая в себя откуда бы то ни было, и сама ни во что не входящая, незримая и никак иначе не ощущаемая, но отданная на попечение мысли. Во-вторых, есть нечто подобное этой идее и носящее то же имя – ощутимое, рожденное, вечно движущееся, возникающее в некоем месте и вновь из него исчезающее, и оно воспринимается посредством мнения, соединенного с ощущением. В-третьих, есть еще один род, а именно пространство (ХОРА): оно вечно, не приемлет разрушения, дарует

обитель всему роду, но само воспринимается вне ощущения, посредством некоего незаконного умозаключения, и поверить в него почти невозможно. Мы видим его как бы в грезах и утверждаем, будто всякому бытию непременно должно быть где-то, в каком-то месте и занимать какое-то пространство (ХОРА), а то, что не находится ни на земле, ни на небесах, будто бы и не существует».

Говоря о «хоре», Тимей говорит, что она ни «чувственная», ни «умопостигаемая», относится к некоему «третьему роду». О ней нельзя сказать, что она ни то, ни это или, что она одновременно и то, и это. Именно поэтому Тимей затрудняется объяснить природу этой сущности. И, тем не менее, «невидимая» и лишённая чувственной формы, она «участвует» в построении умопостигаемого очень обременительным, а точнее – «апоратическим» (так в оригинале) образом.

Замечу, что в русском переводе вы можете и не найти само слово «хора», оно постоянно переводится. То это – «место», то – «пространство», то объясняется как «мать», «кормилица», «восприимчивица»... Я уже говорил о проблемах интерпретации. Сотни и тысячи философов, переводя труды древних (а перевод – это в большей степени осмысление), пытаются определить смысл «хоры», рассуждая о ее онтологии, роде, активности – пассивности, как-то «разместить» и «закрепить» это понятие. Они забывают о затруднении в объяснении самого Тимея. Он, в рамках риторики, должен использовать инструменты этой самой риторики: примеры, сравнения – метафоры! Как объяснить необъяснимое?!

Сергей Аркадьевич отхлебнул чай, он уже заметил, что мы с Катей все больше переглядываемся, а Анна Леонидовна демонстративно наслаждается ароматом чая и поглядывает, думаю – оценивающе, на меня.

– Ну, все-все, заканчиваю вас мучить, еще немного Тимея – Платона: Между тем на подмогу истинному бытию выступает тот безупречно истинный довод, согласно которому, если некая вещь представляется то чем-то одним,

то другим, причем ни то, ни другое взаимно друг друга не порождает, то вещь эта будет одновременно единой и раздельной. И так, согласно моему приговору, краткий вывод таков: есть бытие, есть пространство (Хора) и есть возникновение, и эти три рода возникли порознь еще до рождения неба. А о Кормилице рождения скажем вот что: поскольку она и растекается влагой, и пламенеет огнем, и принимает формы земли и воздуха, и претерпевает всю череду подобных состояний, являя многообразный лик, и поскольку наполнявшие ее силы не были ни взаимно подобны, ни взаимно уравновешены, и сама она ни в одной своей части не имела равновесия, она повсюду была неравномерно сотрясаема и колеблема этими силами, и в свою очередь, сама колебала их своим движением.

Вот как перевести и определить одним словом это понятие – «Хора»? Сама мысль о хоре превышает полярность противоположности «миф–логос». «Имя» хоры – неправильное слово. Даже если то, что оно называет – хора, – не сводится к чему бы то ни было, и уж тем более к своему имени. Все толкования Тимея не приближают к раскрытию сущности хоры – она просто ее не имеет. И сколько бы философов (и как ни трактовали, познавая хору, а нам, простым обывателям, понять, если не смысл, то ее структуру, поможет – внимание – вера!

И здесь, Егор, я согласен с вашей загадкой об одном из частных ее проявлений, я бы сказал – прикладном смысле Хоры, таком, что она появилась на изображении Христа в его непознаваемой двойной сущности: он и человек, он и Бог! Что могло дать соединение этих противоположностей? Идеиного и неосозаемого, и одновременно – живого и чувственного? А это и есть ее «место» – Хоры, Ихоры! Но, как видите из моих мыслей, слово это как бы и не переводится на человеческие языки, оно должно пониматься, точнее – приниматься.

– Я вот сейчас подумал, – задумчиво начал я, безотчетно поглаживая пра-

Следы Рима – Константинополя в Стамбуле (начало XX века и наши дни)

Неприступные стены Царьграда (стены Феодосия)

Византийская крепость Иерон (азиатский берег Босфора), Ерос, Анадолюкавы

вый ус, точнее усик, – а не является ли «Хора» понятием-предшественником понятия «Святой Дух»? Ну, то есть последнее – как бы опущенное с высоты философии понятие для обывателей, для более простого, без ломания головы, осознания внешнего мира и, главное – понимания сущности бытия. И если не понимания, то принятия того, что Христос – наш Спаситель – стал как бы посредником между Богом-создателем и нами, земными существами, сам став богом при помощи Хоры? И что идея (совершенство, воплощение) рождение и механизм, их соединяющий, – неразрывны и неразделимы. Три составляющих едины, так сказать, в трех лицах!

– Вот! – практически воскликнул уже разгоряченный профессор. – Именно

в этом месте я ждал от кого-нибудь из вас подобной реплики! Напомню историческую, политическую, теологическую, военную, дипломатическую и другие виды обстановки в конце XIII – начале XIV века.

Основатель новой царской династии – Михаил Палеолог – захватил Константинополь и освободил Византию от многолетней оккупации ее латинянами – крестоносцами. Проявляя чудеса международной дипломатии, он сумел отвести многочисленные внешние угрозы от возрождающейся империи и восстановил ее могущество. Однако один из компромиссов, обеспечивший предотвращение очередного крестового похода, соотечественники так ему и не простили –

подписанную на Лионском Соборе 1274 года унию с латинской Церковью. Кроме политической составляющей, как раз и предотвратившей большую войну, была и духовная. Латиняне требовали от православных греков принять латинскую формулу «исхождение Святого Духа». То есть что Святой Дух исходит не только от Бога-Отца, но и от Сына. В традициях православия – Святой дух исходит только от Бога-Отца. Это расхождение в доктринах (так называемая «филюкв») в течение десятилетий было предметом ожесточенных теологических дискуссий, анафем, отлучений от церкви, тюремных заточений и казней!

После смерти василевса Михаила получивший власть его сын Андроник

первым делом, ко всеобщей радости греков, денонсировал унию. К тому моменту Византия значительно укрепилась, да и Запад умерил претензии к Константинополю. Андроник стал героем – к военно-политическим и экономическим завоеваниям его отца, перенесенным на него, добавилась главная победа – духовная: окончательно и бесповоротно восторжествовала православная формула об исхождении Святого Духа! Ему от благодарной знати и духовенства и преподносят подарок – монастырь Хора, построенный прямо у Дворца! И на его мозаиках вписаны «золотыми буквами» победившие и провозглашенные «незыблемыми» формулы! Заметим, что Дух – пока еще не «пневма» (πνεῦμα), а «хора» (χώρα)!

Ну, и уж если речь идет о многолетней борьбе, о жизни и смерти из-за фраз «и от ...» (сына) или «и через...» – ничего лишнего на иконе быть не может! Тут уж не до «пустырей» и «полей»!
Монастырь посвящен «правильной» ХОРЕ (ИХОРЕ)! Читай – правильной трактовке сути Святого Духа (будущего «αἰὼς πνεύμα», средний род, по-гречески!!)

Вы можете спросить: «Хорошо, про Хору – может быть, и интересная версия, ну а Платон? Он здесь причём? Где XIV век, и где век Платона, минус четвертый?!». На это отвечаю: «Мне представляется, что человек, известный нам под именем Платон и излагающий завуалированное нашими современниками **учение о хоре**, мог жить, примерно, в это время – конец XIII века! Не случайны свидетельства современников царя-предшественника Михаила Палеолога – Федора Ласкариса. Говорили, что тот в философских беседах со своим учителем-воспитателем Акрополитом, следовал стилю диалогов Платона! Быть может, Аристокл (одно из прошлых имен Платона) за свои софистические способности и был призван в качестве «учителя-наставника» в ПалАТЫ, во дворец, и стал официальным, ПАЛАТОНским хартофилаксом!

Как раз во время ожесточенных дискуссий о Хоре и филиокве?!
– Эх, куда тебя занесло, Сережа! Что ты раньше от тебя такого не слышала! – понятно, кто это сказал.

– Да, собственно говоря, до осмысления наблюдения Егора у меня были только какие-то намеки на мысли, смутные сомнения в правильности представления истории – как религии, так и вообще...

– В общем, мы поняли, что Егор увидел что-то действительно необычное, раз ты, папа, так расфилософовался. Значит, Егор – молодец? И мы можем разрешить ему думать, что его имя, как и отчество связано и обусловлено непереваемой и малопонятной «Хорой»? «ИХОРА – Егор – Игорь»? – засмеялась Катя. – А может, и с самим Святым Духом! – понизил голос, округлив глаза и подняв указательный палец, загадочно произнесла Катя. И – рассмеялась.

– Ну, так все же, как мы теперь «должны» трактовать надписи на мозаиках после этих ваших с Егором «открытий»? – продолжая улыбаться, спросила Катя.

– Я считаю, что это – философско-гнозисовская квинтэссенция формулы – сути Хоры. Которая хора была адаптирована в Святой Дух для, так сказать, практичности, лучшего понимания православными сути споров и побед теософов. То есть, спущена с «теософского» уровня на бытовую. Апостол Павел в более доходчивой форме объяснял «Хору-Святой Дух» обращаемым в веру в Посланиях к ефесянам и римлянам. Что **«Святой Дух, вместе с Сыном Божьим, усыновляет нас Богу-Отцу, делает нас сынами божьими»**. Это на мозаике с Иисусом, который стал Богом при воздействии Хоры. А на мозаиках с Приношением – напоминание, что **«Святой Дух нисходит на нее, небожественную, земную женщину, и посылает ей зачать Господа»!**

– По-моему, это – то же самое, что сказал Егор, только немного в других терминах! – как мне показалось, – уважительно сказала Катя.

– Да, по сути, мы провели анализ его догадки, подтвердили правильную направленность, – жест рукой в мою сторону, – и лишь уточнили смысл и причину присутствия подобных надписей.

Позволю себе еще более крамольную мысль: поскольку надпись в своем роде уникальна и по месту и по смыслу, не является ли это свидетельством того, что здесь впервые внедряется простому народу не столько учение о Святом Духе, а вообще обосновывается мысль собственно о божественности, второй сущности самого Христа? А может быть, это есть начало внедрения христианства как идеологии, как всеобщей идеи?

Что я имею в виду? – По каким-то, может быть, династическим причинам властителям понадобилось из истории реального царя-человека, мученика сделать миф, героя для всеобщего поклонения. Такая история о родственнике, ставшем Богом и Спасителем, сильно укрепляет позиции императора. Он, без сомнения, Богом поставлен, «помазан»! Может быть, и такие подробные картины жизни Христа и его Матери не случайны, а жизнь последней описана ведь в апокрифических Евангелиях, которые, понятно, были еще не апокрифическими – может быть, они **только создавались** в это время и нуждались для их усвоения в хорошей визуализации! Это начало XIV века! А тогда реальная история, ставшая основой нового мифа-идеологии, не должна быть слишком отдалена от ее «продвижения». Естественно, в более понятном «простому народу» виде: Герой (Иерон) – не царь – реальный Пантократор, а нищенствующий плотник, возвысившийся до небес благодаря праведной и усердной жизни?! А если еще внимательно рассмотреть других персонажей, присутствующих на мозаиках и фресках...

– Все, хватит умствований, господа интерпретаторы, или как вас... герменевтики, – заремяв чашкой и вставая с кресла, заключила нашу беседу Анна Леонидовна, – пойдемте в гостиную, сменим обстановку. Катя, может, ты нам немного поиграешь на фортепиано

Следы Рима – Константинополя в Стамбуле (начало XX века и наши дни)

Вид на город сверху

но: нашего гостя надо немного развлечь, уж очень серьезным у него стал вид!

– А я бы еще порассуждал с вами о втором, может быть, еще более важном смысле постройки этого собора, – вставая из-за стола и громыхая отодвигаемым креслом-стулом, сказал Сергей Аркадьевич.

– Нет-нет-нет! – Анна Леонидовна решительно направилась в сторону гостиной, – как-нибудь в другой раз, может быть...

– Егор, если вам интересно то, о чем я начал говорить в конце нашей беседы, приходите ко мне в университет, там мы, в том числе с некоторыми моими коллегами и аспирантами, можем развивать и подкреплять новыми исследованиями эти наши мысли.

Так я потихоньку втянулся в тему восстановления «реальной» истории, по крайней мере, цивилизации, создав к настоящему моменту непротиворечивую (конечно, с моей точки зрения) историю человечества – более короткую, поступательную, без лакун и «темных» веков и тысячелетий. Скоро на заседании исторического общества

буду представлять свой труд. Ох, и слушаю там!

А что же Катя? А это – уже другая история...

А теперь, как обещал, поясню, в чём фантастичность рассказа.

Первое: изображения на мозаиках, их существование, место, монастырь, город – всё реальное и виденное мной. Второе: вся информация о соборах, времени их постройки – «реальная» официальная историческая информация. Третье: рассуждения, наблюдения и выводы героев – мои личные, поданные в ненавязчивой, как мне кажется, беллетристической форме.

Фантастичность (выдуманность) в том, что неопределённо, не уточнено время происходящих в «рассказе» событий. Дело в том, что обсуждаемые мозаики «открылись» в 1948 году, после того, как Ататюрк договорился сделать из мечети Карийе Джамии (бывшего собора монастыря Хора) – музеем. Снять штукатурку и попробовать восстановить легендарные, судя по источникам, фрески! Мне бы хотелось, чтобы созданная мною обстановка действия напоминала время, примерно конца 19 – начала 20 века. А вот вспомогательная информация – «внехронологическая»!

Упомянутый Хайдеггер – известный немецкий философ, основные труды которого приходились на 30-е годы 20-го века.

Герменевтика, как наука, начала складываться ещё позднее – в середине прошлого века.

Цитирование Платона приводится по переводу С.Аверинцева (1971 г.).

Исторические справки приводятся с учётом трудов выдающегося отечественного византолога Ф.И. Успенского, конец 19-го – начало 20-го веков.

Вы, наверное, почувствовали в некоторых местах «высокий» философский слог. Подобные мысли мне навеяла эссе французского философа Жака Деррида (1998 г.).